

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

Н. С. Гребенщикова

ОБОРОТ *ГОЙ ЕСИ* В РЯДУ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПРИВЕТСТВЕННЫХ ВОПРОСОВ О ЗДОРОВЬЕ

Принятое у восточных славян с глубокой древности приветственное упоминание о здоровье первоначально реализовалось в обороте **гой еси**, где элемент **гой** является родственным слову «жить».

Возникновение этого стереотипа можно с уверенностью отнести к древнерусскому периоду. Об этом свидетельствует, в первую очередь, основа *гой-*, известная всем восточнославянским языкам.

В этимологических словарях этот оборот приводится в ряду этимонимов: лит. *gajus* «легко вылечивающий», авест. *gaua* «жизнь», «время жизни», укр. *goiti* «исцелять», пол. *goić* 1) «лечить, заживлять», 2) «лечить, исцелять», см. также пол. *goić się* «заживать, заживляться»; србх. *gojiti*, чеш. *hojiti* «залечивать», «заживлять» и др.

В тексте украинской думы хорошо проиллюстрирована семантическая специфика глаголов этой группы на примере *изгойти*:

Слава ж Богу и царице, а покой гетману:

Изгоили в сердцах наших горячую рану!¹

(*изгоили* — излечили, заживили, сделали жизнеспособным).

Традиционно приветствие *Гой еси* рассматривалось как благопожелание и связывалось с глаголом *гойти* — у М. Фасмера: *гой* «будь здоров!»², см. также толкование Р. Н. Попова: «Фразеологическое сращение *гой еси* (а в диалектной речи оно встречается и с другими архаичными глагольными формами: *гой есте*, *гой естя*) в литературном языке обычно используется с факультативными междометными и местоименными компонентами: *ох (ой) ты (вы) гой еси!* и предполагает обращение к кому-либо. Значение этого народнопоэтического устойчивого приветствия находит свое этимологическое объяснение в слове *гой* (повелительной форме от глагола *гоить* — «здороветь», «хорошо жить», «здравствовать»), т. е. буквально — «здоровей!», «будь здоров!»³.

Императив глагола *гойти* видит в *гой* также Н. М. Шанский: «Слово *виват* «да здравствует» является междометием той же образной структуры, что и *здравствуй*, *салют*, *будь здоров...* а также устаревшее *гой* «будь здоров» (бывшая форма повелительного наклонения глагола *гоить* «жить, здравствовать», родственного слову *жить...*)»⁴.

¹ Костомаров Н. И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. М., 1995. С. 636.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. М., 1964. Т. I. С. 427.

³ Попов Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М., 1976. С. 113–114.

⁴ Шанский Н. М. В мире слов. Книга для учителя. 3-е изд. М., 1985. С. 191.

Является ли в действительности *гой* глагольным образованием, связанным непосредственно с глаголом *гойти*? Следует ли переводить *гой еси* императивной конструкцией («здоровей!», «будь здоров!», «бывай жив»)?

Грамматическая аналогия полностью не отрицает основания считать *гой* формой глагола, ср. *гноить* — *гнои* (повелительное наклонение).

Однако более убедительно предположение, что пара *жити* — *гой* организована по той же схеме, что и *бить* — *бой*, *жить* — *жой*, *слить* — *сой*, и *гой* — это отглагольное имя (существительное или прилагательное).

Что же означало в таком случае это отглагольное имя *гой*?

Вслед за многими исследователями обратимся к значению сохранившегося в языке субстантивного префиксального образования *изгой* (от *изжити*). Существование этого слова подтверждает именной характер лексемы *гой*, ср. однотипность модели:

изжити → *изгой*,

жити → *гой*.

«Человек, оторвавшийся от своего сословия»⁵, «человек, выбывший по тем или иным причинам из своей социальной среды»,⁶ «выжитый из рода»⁷ — так осторожно объясняют семантику слова *изгой* исследователи и авторы словарных статей, опираясь на немногие известные памятники языка, включающие эту лексему. (Для сравнения приведем определение, базирующееся на довольно распространенном мнении: «Изгоем в Древней Руси называли человека, выбитого из жизни, отправшего от своего сословия, потерявшего с ним связь, изгнанника»⁸; далее тот же автор говорит об изгоях как о людях, «потерпевших неудачу на жизненном пути»⁹).

По мнению В. В. Колесова, «древнейшим обозначением родовой патриархальной общины было слово *гой*. Оно и теперь сохранилось в слове *изгой* отвергнутый член общины»¹⁰. «Изгой — отщепенец, лишенный рода насильно»¹¹. И далее там же: «...*Изгой* означает буквально: лишенный жизненной силы рода, традиции, а значит, права на жизнь». Для подтверждения своей гипотезы автор приводит цитату из Ф. П. Филина, окончательно дискредитирующую понятие древневосточнославянского изгойства: «*Изгой* же не имел рода, родства и Родины».

Рассмотрим самый прозрачный контекст с этой лексемой, отрывок из «Устава новгородского князя Всеволода Мстиславовича о церковных судах» по списку сер. XV в.: **изгойи трѣни: поповѣ с[ы]нѣ грамоты не оумѣеть, холопѣ из холопства выкупитса, коупѣ шдолжаеть. А се четвертое изгойство в себе приложимь: аще кн[а]зь шсиротѣеть. то люди ц[е]рк[о]вныи, в[о]гадѣльныи. Или митрополитѣ, или еп[и]ск[о]пѣ тыи вѣдають междуу ими соуд, или шбидоу...»¹².**

Мы видим, что, согласно уставу князя Всеволода, под патронат церкви поступали люди, оторвавшиеся от своего сословия — **но не обязательно спустившиеся вниз по социальной лестнице**. Так, наряду с разорившимся купцом и потерявшим княжество князем в разряд изгоев попадал выкупившийся из холопства холоп.

Наиболее близка к такому пониманию изгойства семантика однокоренных *выжить*, *изжить* (его *выжили из отдела; недостатки изжиты*), но лишенная страдательного значения: не люди *выжили* изгоя, а сам он себя *выжил* (кстати, представляет интерес многозначность глагола *выжить* —

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 138.

⁶ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. М., 1988. Т. III. С. 495.

⁷ Откупщиков Ю. В. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. М., 1973. С. 88.

⁸ Сапунов Б. В. Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978. С. 74–75.

⁹ Там же. С. 75.

¹⁰ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 228.

¹¹ Там же. С. 174.

¹² Устав новгородского князя Всеволода Мстиславовича о церковных судах // Древнерусские княжеские уставы. XI–XV вв. / Подгот. Я. Н. Цапов. М., 1976. С. 157.

избавиться от кого-то и несмотря на препятствия, остаться живым), перешел в другое состояние — и не столько волевым актом, сколько в результате развертывания жизненного процесса. Сказанное же нашими авторами более применимо к слову *изгой* в его современном значении, поскольку в русском языковом сознании *изгой* сблизилось с *изгнать* и, в силу народной этимологии, развило в результате семантику человек, испытывающий неприятие окружающих, отринутый, отторгнутый ими.

Интересные наблюдения над лексемой *изгой* принадлежат Б. А. Ларину, который указывает причину постоянного обращения к этому термину историков и лингвистов: «Для лингвистов оставались загадкой и состав слова, и его происхождение; историкам была неясна социально-экономическая природа термина. < ... > Со времени Срезневского к анализу слова привлекают материалы южнославянских языков. Если выделить корень *гой-* — живой, жизнь, то выходит, что *изгой* — человек вне жизни, кому не житье на белом свете (изгнанник, отвергнутый своей общиной). Если с морфологической стороны такой анализ слова допустим, то объяснение его значения никуда не годится. Приставка *из-* едва ли обозначала изгнание, осуждение. **Раз эта социальная категория все время деградировала, то нужно искать в исторической перспективе не отрицательное, а положительное значение термина** (выделено нами. — Н. Г.) Слово *изгой* надо сопоставлять с *гой* — община, мир. Тогда *изгой* будет означать чужак, выходец из другой общины. Становится понятным, почему в Новгороде было много изгоев. Это объясняется разложением патриархальной общины и сложностью, разноплеменностью населения Новгорода; изгой потом становились купцами, дружинниками.

Возможно, толкование слова *изгой* еще изменится. Но совершенно бесспорно то, что на протяжении раннефеодальной эпохи история этой социальной категории прошла ряд этапов. И это отразилось и на значении слова: от выходца из патриархальной общины до шатающегося по свету бобыля»¹³.

Признавая справедливым тезис Б. А. Ларина о деградации изгойства и о развитии отрицательной коннотации у термина *изгой* в русском языке, считаем достаточно спорными его дальнейшие рассуждения. Трудно объяснить, каким образом **гой* = община, мир послужило исходным для *изгой* чужак, выходец из другой общины. С точки зрения словообразования, лексема *изгой* связана не с именем, а с глаголом, см. подобным образом организованные слова извергъ (от извергати): 1) выкидьш, 2) отверженный; изродъ (от изродити): дитя, порождение, потомок.

В толковании слова *изгой* историками тоже нет единомыслия. Однако в трудах М. Н. Тихомирова, одного из авторитетнейших советских исследователей, мы находим подтверждение мысли Б. А. Ларина об отсутствии первоначальной отрицательной коннотации в термине *изгой*: «Краткая редакция “Русской правды” не оставляет сомнения в том, что в начале XI в. **изгойи еще были свободными людьми, за убийство которых полагалось платить по 40 гривен, как за убийство “мужей”** (выделено нами — Н. Г.). Из других источников мы узнаем о существовании сел, населенных изгоями»¹⁴.

Попробуем найти объяснение двойственности понятия *изгой*, о которой пишет Б. А. Ларин: «Материалы “Русской правды” показывают, что за убийство изгоя князья требовали уплаты такого же выкупа, что и за убийство дружинника (*ябедника, мечника*), т. е. лиц, близких к князю... Новгородские изгойи — примерно та же социальная группа, которая позже стала называться *бобылями*, вошла в состав посадских людей. Это люди лично свободные, но не владеющие землей.

Они энергично участвовали в военных, завоевательных походах князей, иногда служили защитой князя, но они же оказывали влияние на перевороты, на смену князей.

Сельские изгойи — это люди, не имевшие “ни кола ни двора”, деклассированные крестьяне»¹⁵.

Вероятно, в городах люди, «выпавшие» из свойственного им социума, — это выкупившиеся холопы, «осиротевшие» князья и т. д., т. е. люди довольно влиятельные. В деревнях же изгоями оказывались обнищавшие крестьяне.

¹³ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975. С. 77–78.

¹⁴ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 65.

¹⁵ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). С. 77.

Согласимся с предложенным историками значением, лишенным отрицательных коннотаций: *изгой* — человек, оторвавшийся от своего социума. Антонимичное *гой*, таким образом, является характеристикой человека, благополучно обитающего в свойственной ему социальной среде.

Рассматривать ли *гой* как повелительное наклонение от глагола *гоити* и переводить его «Здоровей!» или считать его именным образованием, аналогичным *здоров*, *цел*, переводя «Будь здоров!», — необходимо оговорить роль связки *еси* (бывшего глагола, обозначающего ты сейчас, в данный момент, есть). Связочные образования нередки в восточнославянских этикетных формулах: рус. *Будь здоров! Будьте счастливы!*, бел. *Бывайце здаровы!*, укр. *Бувай здоров!* — но только со связкой в форме императива, отсылающей к будущему, что соответствует идее благопожелания. Здесь же эта связка имеет явно не глагольное значение (что, собственно, означает «ты становись здоровым есть» или «ты здоровей есть»?), а значение личного местоимения (указание на лицо и число субъекта). Материально выраженная связка *еси* (как известно, пропуск связки в 3 л. возможен уже в XI в., например, на Тьмутараканском камне 1068 г.: *гльбѣтъ князь мѣрилъ мо(ре)* вместо *мѣрилъ кѣтъ море*)¹⁶ в форме 2 л. ед. ч. употребляется как альтернатива личному местоимению вплоть до XVII века.

Трудно согласиться с этимологической «расшифровкой» В. В. Колесова, который, связывая оборот *Гой еси* с системой кровного родства, утверждает, что *Ой, ты гой еси, добрый молодец!* буквально значит: «Ты есть наш, наших кровей!»¹⁷. Нечто подобное такому приветствию мы находим в «Книге джунглей» Р. Киплинга: «Мы с вами одной крови — вы и я!», тем не менее констатация как тип приветствия не свойственна восточным славянам (мы уже отметили, что в качестве инициального приветствия в восточнославянском речевом этикете используются или благопожелание, или вопрос). Непонятна и логика понимаемого таким образом приветствия: к кому обращено это «Ты наш»? К любому встреченному человеку (таким образом, априорно включаемому в систему кровного родства) — или только к члену своей общины?

Остановимся на том, что *гой еси* — это все-таки именное образование семантики ты (есть) здоров.

Это выражение перестает быть бессмысленным, если признать, что перед нами редуцированный вопрос и первоначально *Гой еси?* представляло собой такое же этикетное осведомление, как впоследствии *Здорово живешь?* *Здоров ли?* и под. Таким образом, форма настоящего времени изъявительного наклонения вспомогательного глагола *еси* заставляет предположить в этом обороте редуцированный вопрос *Здоров ли ты?* *Благополучен ли ты?* — что вполне соотнобразится с семантикой (здоровье) и структурой (вопросительная конструкция) восточнославянского вопросно-ответного приветствия. Не случайно и постоянное сопровождение формулы *гой еси* разного рода компонентами (*Уж ты гой еси*, *А ты гой еси*), усиливающими вопросительную семантику.

Подтверждением этой мысли является тот факт, что русский фольклор (и, очевидно, общенародный язык) не сразу принимает книжное императивное приветствие *Здравствуй!* и производит попытку представить его в виде привычной вопросительной конструкции. Такие обороты, правда, уже со «съеденным» вопросом, нередко встречаются в былинах:

Он во гридню идет — да Богу молится,
А кормилице-матенке поклоняется:
«Уж ты **здравствуешь**, родна матушка!»
«Уж ты **здравствуешь**, млады Соловей,
А и младый Соловей Будимерович!»¹⁸.

Следует отметить, что оборот *Гой еси* никогда не встречается в былинах и исторических песнях в качестве прощального приветствия (ср.: *Здравствуй! Дай Бог здоровья! Будь здоров!* и другие

¹⁶ Хрестоматия по истории русского языка / Авт.-сост. В. В. Иванов, Т. А. Сумкина, Н. П. Панкратова. М., 1990. С. 17.

¹⁷ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. С. 228.

¹⁸ Соловей Будимирович // Былины в двух томах. М., 1958. Т. II. С. 187.

приветствия-благопожелания, одинаково способные начинать и завершать общение), т. е. ведет себя как обычный этикетный вопрос о здоровье в начале устного или письменного контакта.

Оборот *гой еси* сохранился только в фольклорной традиции. Его письменную фиксацию мы встречаем в к. XVII в.: *Гой еси казаки добрые молодцы...*¹⁹ — причем очевидно, что он подвергся фразеологизации (иначе было бы *гой есте*, т. е. имя и глагол приняли бы формы мн. ч.).

Составители «Словаря русского языка XI—XVII вв.» квалифицируют *гой* как междометие (очевидно, как разновидность *ой* — по аналогии с *гей*, *эй* — или гибридное между *гей* и *ой*). Судя по всему, в исторический период самостоятельного лексического значения слово *гой* уже не имело, и об этом свидетельствуют как застывшие формы ед. ч. мужского рода в приветствии, обращенном к женщине, к группе лиц, так и вариации, наблюдаемые в былинах: *Уж ты ой еси*, *Вой еси*, *Ой же ты*, *Ой еси* и т. д.:

«**Уж вы гой еси**, дружинишка де Васькина!
Ай вас продал-то ведь Васька не за копейчку...»²⁰;

А и гой вы еси, мужики новгородские,
Примите меня во братшину Никольшину,
А и я вам сыпь плачу немалую²¹.

В вышеприведенных примерах нарушено согласование в числе (ожидалось бы *гой вы есте*). Лишенное смысла *гой* превращается в междометное восклицание. При этом происходит затемнение его словообразовательной структуры:

Уж вы ой еси вы, нянюшки, вы, манюшки,
Уж вы верные мои служаночки!²²;
— **Вы ой есь**, мужики новгорожана!²³;
Уж **вы ой**, молодцы новгорожаны!
Ицѣ хто со мной бьется о велик заклад...²⁴;

Да ай же ты, Добрынюшка Микитиниц!
А не стрели меня, черна ворона...²⁵.

Вышедшее из речевого обихода, это приветствие стало подвергаться разного рода искажениям при передаче песенных сюжетов. При этом нередко исчезает самая идея приветствия:

«**Ой вы госясы** да ребятушки, а вы донски...
А вы донские козачки!»²⁶;
Молодая ханша крепко испугалася;
Кричит-то она, зычит своим нежным голосом:
«**Уж вы вояси** мои слуги верные,

¹⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. С. 59.

²⁰ Василий Буслаевич // Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978. С. 15.

²¹ Садко-богатой гость // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 145.

²² Князь Роман и Марья Юрьевна // Былины в двух томах. Т. II. С. 110.

²³ Василий Буслаев в Новгороде // Новгородские былины. С. 68.

²⁴ Василий Буслаев. С. 69.

²⁵ Добрыня и Алеша / Добрыня Никитич и Алеша Попович / Подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974. С. 252.

²⁶ Исторические песни XVIII века / Подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971. № 143.

Вы дайте, подайте мне, молодой ханше,
Перевезите меня на ту сторону...»²⁷;

Что кричит да зычит
Своим громким го... ой, голосом,
Своим княженецким: «Уж вы **воины** да
Вы мои служители! Да кто же из вас
Да из вас перевозчиком,
Да из вас перевоз держит?»²⁸.

Этот эпизод прекрасно демонстрирует, как сделавшееся непонятым *гой еси* (*гоясы*) заменяется совсем уже невнятным *воясы*, которое, в свою очередь, в одном из вариантов песни превращается в *воины*. На то, что *воины* — это искаженное *гой еси*, указывает содержащаяся в песне логическая несообразность: воин оказывается держащим перевоз, перевозчиком.

Тем не менее в языковом сознании нередко сохраняется память о том, что *гой еси* — это возглас, связанный с ситуацией приветствия при встрече. Так, эпизод со стрелецким атаманом (песенный сюжет «Царь судит стрельцов») показывает, что на замену *гой еси* в более поздних вариантах приходит современная исполнителю приветственная формула:

Возъезжает он во стрелецкую армеюшку,
Воскричит-то он, возгаркнет громким голосом:
«**Ох вы гой еси** стрелецкие головушки!
Еще хочет нас православный царь всех жаловать,
Жаловать хоромами, хоромами высокими,
Двумя столбами дубовыми и петлями шелковыми!»²⁹;

Не дошовши он, наш атаманушка,
Во кругу он низко кланится:
«**Вы здоровы**, мой-та стрельцы-бойцы,
Раздобрыи мои молодцы?
Уж вы пьете, гуляете, ничего не знаете. < ... >
Как перва-та нас православный царь
Любил-жаловал, золотою казною нас даривал,
А теперь на нас православный царь распрогневался...»³⁰;

Как увидел их с висока терема
Атаманушка,
Он подходит к ним,
Низко кланяется:
«Да и **здравствуйте** вы, ребятушки,
Вы, стрельцы-бойцы!
Да и что это у вас, у стрельцов-бойцов,
Да за круг собрат?»
«Собрал-то нас, стрельцов-бойцов,
Православный царь.

²⁷ Там же. № 161.

²⁸ Там же. № 160.

²⁹ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Л., 1977. Т. I. С. 36.

³⁰ Исторические песни XVIII века. № 42.

Он да прежде нас дарил жалованьем,
А теперь казнить велит...»³¹.

То же наблюдаем в сюжете «Майор с женой осуждены царем». Обращение майорской дочери к часовому так трансформируется в песенных вариантах:

«Уж ты **гой еси** молодой казак,
Ты возьми-ка, возьми золотой казны,
Золотой казны пятьсот рублей,
Ты раскуй, раскуй моего батюшку,
Развяжи-ка родну матушку!»³²;

«Уж ты **гой еси**, часовой солдат,
Уж ты раскуй мово тятюшку,
Развяжи белы ручки матушки!»³³;

«Ну-ка **здравствуй, здравствуй** ты, млад донской казак,
Ой да млад донской казак, ох, малолеточек!
Ох, и ты пусти же, пусти родного батюшку,
Ах да мово батюшку с родной матушкой!»³⁴.

На смену древнейшему приветствию *гой еси* пришел комплекс приветственных вопросов, базирующихся на образованиях от праславянской основы **sdorv-*.

Изменения в характере приветствия связаны с переменами в народном сознании. О новом идеале «лучшего человека» см. у С. М. Соловьева: «...История России, подобно истории других государств, начинается богатырским или героическим периодом, т. е. < ... > у нас, вследствие появления варяго-русских князей и дружин их, темная, безразличная масса народонаселения потрясается, и происходит выдел из нее лучших людей по тогдашним понятиям, т. е. храбрейших, одаренных большою материальною силою и чувствующих потребность упражнять ее. Старая русская песня очень хорошо определяет нам лучшего человека, богатыря, или героя: *Сила-то по жилочкам так живчиком и переливается, грузно от силушки, как от тяжелого бремени. Это мужи, люди по преимуществу, тогда как остальные в глазах их остаются полулюдьми, маленькими людьми, мужиками*»³⁵.

Итак, статика патриархально-общинного уклада столкнулась с динамикой феодализма, это привело к новому пониманию благополучия: не растительное существование, *прозябание* (не случайно это слово приобретает и усиливает со временем сему дискомфорт)³⁶, а мобильное состояние «хорошего дерева», крепости, боеготовности, воинской удачи.

Изменения коснулись прежде всего именно части приветствия: патриархальное *гой*, несущее идею благополучного, неизменного обитания в привычной среде, сменилось метафорическим в своей основе *здоровъ, здоров* (этимологически хорошее дерево, из хорошего дерева³⁷ = боеспособен).

Доказательством нашего предположения о вопросительном характере оборота **гой еси** является в числе прочего и наличие приветственного выражения **здоровъ (здравъ) ли еси**, структурно повторяющего схему вышедшего из употребления приветствия. Так, в новгородской берестяной грамоте № 424 от Гюргия к отцу и матери (XII в.) находим осведомление, имеющее все признаки этикетного:

³¹ Там же. № 43.

³² Там же. № 264.

³³ Там же. № 267.

³⁴ Там же. № 268.

³⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Книга VII. С. 11.

³⁶ Гребенщикова Н. С. Семантическое движение в глаголе *прозябать* // Актуальные проблемы современной филологии: Материалы междунар. науч. конф. Симферополь, 1996. С. 99.

³⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. С. 90.

присъте [пришлите] ми граматичу сторовы ли ксте³⁸. В Успенском сборнике XII–XIII в. содержится съдравъ ли кси, славянизированный вариант этого выражения: **И приеближи сѧ къ морю. и видѣ въ корабли дѣтиць. и дѣва моужа велика. и кгда поклонити сѧ хотѣ и рещи добръ ходите и добръ вы поутъ боуди. тьгда малыи дѣтиць пьрвьѣк рече къ агапию. агапие съдравъ ли кси чьто дѣкши съде въ лоукахъ сихъ морьскихыхъ. и не вѣси ли ако звѣрь лютъ ксть съде. и изѣсть тѧ. < ... > Вѣставъ же агапии прииде къ нимъ. и кгда хотѣ поклонити сѧ рещи. добръ вы боуди поутъ. тьгда великын моужь рече. съдравъ ли кси агапи чьто ксть поутъ твои³⁹)**

Следующим этапом трансформации древнего приветствия явились изменения в связке.

В украинском и белорусском языках вопрос о здоровье развернулся в основную приветственную формулу, восходящую к конструкции со связкой *быть* в форме прошедшего времени («Здоров был?»): укр. *Здоров був*, бел. *Здароў (быў)*:

(Укр.) Ява 23.

Циган. **Здоров був**, Флиме!

Клим. **Здоров був**, цигане!⁴⁰;

Дѣвчино, кохана, **здорова була**,

Чи ще-жъ ты мене да й не забула!⁴¹.

В белорусском фольклоре примеры приветствия с материально выраженной связкой немногочисленны:

Зіма з летам сустракаецца,

— Ой, чалом, чалом, да цѣплае лецейка!

— Ой, **здорова была**, да халодная зімачка!⁴²

Приветственное *Здароў!* в белорусском языке то застывает в форме ед. ч. мужского рода:

— **Здароў**, чапля! — **Здароў**, жораў! — Ці не пойдзеш, чапля, за мяне замуж?⁴³;

У хатку вайшоў — чалом даў,

— Ай, чалом, чалом, **здароў**, цешчанька.

Ці дома мая Кулінка?⁴⁴;

— Дзень добры, **здароў**, сваточки.

Ці ўюцца ў вас раёчкі...⁴⁵;

то способно к изменению по родам и числам:

Здаровы, сваты здаровы,

Мы ждалі доўга вас з дарогі⁴⁶;

³⁸ Хрестоматия по истории русского языка. С. 29.

³⁹ Сказание Агапия // Успенский сборник XII–XIII вв. / Подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. Л. 288 б.

⁴⁰ Вертепна драма / Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.) / Упорядкував акад. О. І. Білецький. Вид. 3, доп. Київ, 1967. С. 517.

⁴¹ Малороссийския пѣсни, изданныя М. Максимовичем. М., 1827. С. 88.

⁴² Беларускі фальклор. Хрестаматія / Склад.: К. П. Кабашнікаў, А. С. Ліс, А. С. Фядосік, І. К. Цішчанка. Мінск, 1985. С. 91.

⁴³ Жораў і чапля // Беларускі фальклор. Хрестаматія / Склад.: К. П. Кабашнікаў, А. С. Ліс, А. С. Фядосік, І. К. Цішчанка. Мінск, 1985. С. 331.

⁴⁴ Вяселле. Песні. У 6 кн. / Склад. Л. А. Малаш; Муз. дадат. З. Я. Мажэйка; Рэд. А. С. Фядосік. Мінск, 1985. Кн. 4. С. 49.

⁴⁵ Вяселле. Песні. 1988. Кн. 6. С. 260.

⁴⁶ Лірыка беларускага вяселля / Уклад. і рэд. Н. С. Гілевіча. Мінск, 1979. С. 384.

— **Здарова**, цешча, **здарова**,
Гдзе ж мая Валечка, Валечка?
— Тваей Валечкі дома нет...⁴⁷.

Редукция глагольной связки происходит и в украинском языке, и приветствие приобретает вид:
Здоров, Здарова; при этом вопросительный характер приветствия стирается:

Тай зустрив соловейко перепилку:
«Ой, **здарова, здорова**, сестрице перепилко».
— **Здоров, здоров**, брате соловейку.⁴⁸;

Ох, аж припхав цар турецький:
— **Здоров**, Байда молодецький!
Покинь, Байдо, пить-гуляти,
Бери мою дочку та йди царювати!⁴⁹.

Собственно приветственный и поздравительный смыслы этого оборота нередко сливаются:
...Пили та гуляли,
Із семип'ядних пиццалей грімали,
Кішку Самійла поздоровляли:
«**Здоров**, — кажуть, — **здоров**, Кішко Самійлу,
Гетьмане запорозький!
Не загинув еси у неволі.
Не загинеш і з нами, козаками, по волі!»⁵⁰.

В староукраинской драме XVII в. неоднократно встречается приветствие *Здоров!* в ситуации застолья:

Слуга.
А вашмость щоб потѣху з своих дѣток мали,
Щоб они вас в старости кием подпирали!
Нехай ваши волики, козки, козенятка,
І ввес статочок **здоров** и егнятка!
З ними і вы **здоровы!** Того вам виншую,
А пью заздоровною до вашмости сию. < ... >
Ласкавы ж будте, уже сами ся частуйте:
Я мушу пойти к пану; прошу, не здивуйте!
Мужик.
И будемо и сами, коли есть що пити.
Здоров, Зѣнку, к тобѣ пью, щоб ты жив на свѣте!
Але ж добры напиток, щира малзамѣя! (мальвазия. — Н. Г.)
Мужик.
Чи диво ж у такого пана добродѣя?
Господи ж благослови! Ос и я скоштую:
Здоров, куме Свирид, к тобѣ охверую.
А не жартом, же добры зараз ся почувся.
На, да не духом пий, щобес не заслынувся.
Мужик.

⁴⁷ Вяселле. Песні. 1985. Кн. 4. С. 73.

⁴⁸ Самійло Кішка / Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. М., 1995. С. 277.

⁴⁹ Народні пісні в записах Панаса Мірного та Івана Білька. Київ, 1977. С. 110.

⁵⁰ Драгоманов М. П. Вибране. Київ, 1991. С. 196.

Да тамся, стары, що тобѣ приступило?
Напиток власне огон, а так жереш смѣло!
Ед зараз тебе кинет, що отсюл не трапиш.
От уж черга пришла: **здоров!** Цо ся квапиш?⁵¹

На первый взгляд, данный оборот скорее генетически связан с приветствием-благопожеланием *Будь здоров*. Обычно так он и рассматривается в лингвистической литературе, посвященной проблемам речевого этикета. Считается, что приветственные слова *Здоров*, *Здорова*, бел. *Здароў*, *Здорова* образовались из сочетаний *Будь здоров (здорова)*, *Будзь здаровы (здароў, здорова)*. Приходится оспорить это положение, поскольку благопожелание модели *Будь здоров* (высказанное, например, при прощании) ни в одном славянском языке не подвергается редукции *Будь здоров* → *Здоров*. Как нами установлено, неспособность выступать в качестве прощальной формулы является отличительным признаком именно приветственного вопроса.

В белорусском фольклоре оборот *Здароў* может субстантивироваться:

— Дурны мальчышка, неразумненькі,
Аднімі вароты ды ўездзь на двор,
Уездзь на двор, с каня далоў,
З каня далоў, ды цясцю **здароў**,
Цясцю **здароў**, а к ей у цяром.⁵²

Субстантивное образование *здоров*, благодарственная песня, отмеченное писателем-этнографом С. В. Максимовым, составившим описание свадебного обряда на русском Севере, возможно, не связано с украинским и белорусским субстантивом и свидетельствует только о проявлении общей тенденции к унификации приветственной формулы: «Вставши с лавки из печного угла, она (невеста. — Н. Г.) идет давать отцу «здоров». «Здоров» этот подлиннее всех и поскладнее» (Максимов С. В. «Год на Севере»).

Приветствие *Здоров!* известно и русскому просторечию: «Случилось одному ремесленнику поздним вечером ворочаться домой из чужой деревни, с веселой приятельской пирушки. Навстречу ему старинный приятель — лет с десятков тому, как помер. — “**Здоров!**” — “Здравствуй!” — говорит гуляка...⁵³; — **Здоров**, председатель, — гаркнул новоприбывший, протягивая лопатообразную ладонь. — Будем знакомы. Сын лейтенанта Шмидта» (Ильф И., Петров Е. «Золотой теленок»).

В великорусском языке после редукции связочной части приветствие получает вид *Здоров ли?* *Здоровы ли?*

Вопрос *Здоров ли?* и в XIX в. способен выполнять функцию основного приветствия: — Хвилькин, — кликнул я, потому что он не замечал никого и многим не кланялся. Он подскакал ко мне крупной рысью < ... >. Правда, он был бледен и, когда остановил свою лошадь, правой рукой вцепился в гриву, а левую протянул ко мне, со своей обычной равнодушной миной. — Ну что, **здоров ли?** — спросил он. — А ты? — Я ничего... здоров. — Ну, и я здоров (Полонский Я. П. «Квартира в татарском квартале»); «Он (Кузьма. — Н. Г.) встретил нас у ворот, держа одну руку над глазами и стараясь рассмотреть, кого Бог послал. — **Здоров ли**, старик? — приветствовала его матушка» (Салтыков-Щедрин М. Е. «Пошехонская старина»).

В дальнейшем этот вопрос чаще фигурирует как дополняющий основную приветственную формулу: — Здравствуй, Илья! Как я рад тебя видеть! Ну, что, как ты поживаешь? **Здоров ли?** — спросил Штольд (Гончаров И. А. «Обломов»); Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, **что ты, здоров?** Слуга. Слава Богу (Гоголь Н. В. «Ревизор»).

⁵¹ Драма про Алексея божьего человека // Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.) / Упорядкував акад. О. І. Білецький. Вид. 3, доп. Київ, 1967. С. 297–298.

⁵² Вяселле. Песні. Кн. 4. С. 36.

⁵³ Встреча с другом (Афанасьев, № 358) // Сказки / Сост., подгот. текстов и коммент. Ю. Г. Круглова. М., 1989. Кн. 2 (Б-ка русского фольклора. Т. 2). С. 430

Особенно часто оборот *Здоровы ли?* (нередко с опущением частицы *ли*) встречается в исторических песнях, при обращении командира к солдатам. Несомненно, это отголосок некогда реально существовавшего приветственного вопроса:

Константин (царевич. — Н. Г.) к нам приезжал:

Вы **здоровы**, мои дети,
Лейб-гвардейцы, егеря...⁵⁴;

Граф Игнатъев разъезжает
Он по крутой по горе,
Да сам на вороном коне.
Шибко, громко прокричал,
Три словечушка сказал:
«**Вы здоровы ли**, ребята,
Военны матросы?»⁵⁵.

Другой модификацией вопросительной приветственной формулы, восходящей к **ГОИ КСИ**, в великорусском языке является оборот *Здорово* с полнозначным глаголом, обозначающим движение, процесс (*живеши, пришелъ* и под.), который появляется вместо не обладающего динамикой **КСИ**.

Замена связки имела следствием адвербиализацию именной части: «*Ты есть здоров?*» → «*Ты здорово (ли) живешь?*» (В памятниках, имеющих украинское происхождение, адвербиализации не происходит, и именная часть может представлять собой образование, застывшее в форме мужского рода: *Пристав [попу]: Бачка, **здоров живеши!***⁵⁶)

Письменная фиксация приветствия *Здорово живеши* относится к XVI–XVII в., хотя можно предположить, что в устной речи оно появилось значительно раньше: «Государь меня тотъ час к руке поставить велѣлъ и слова милостивые говорилъ: “**здорово ли**, де, протопоп, **живеши?**” Еще, де, видатца Богъ велѣлъ!»⁵⁷; «Судари мои свѣты **здороволи живете**»⁵⁸.

В народной речи вопрос о здоровье занимает в приветствии позицию № 1 (собственно приветственная реплика) и требует этикетного ответа: «Все подобру-поздорову; Слава Богу: Каждое утро братья проводывали друг друга: выйдет один брат утром из избушки да и крикнет: — **Здорово ли**, брате, **поживаешь?** — Ему на это другой крикнет: — **Всё подобру-поздорову!**⁵⁹; — **Здоровенько ль поживаешь**, Алексей Трифоныч? — сказала Фленушка, поравнявшись с ним. — **Слава богу**, живем помаленьку, — отвечал он, снимая шапку» (Мельников-Печерский П. И. «В лесах»). В. И. Даль также отмечает ответные стереотипы: «Вашими молитвами живем. Живы своими грехами, вашими молитвами. Живы, поколе Господь Бог грехам терпит⁶⁰; Поколе Бог грехам терпит, да голова на плечах»⁶¹.

Угасание вопросительной семантики в приветствии *Здорово живеши* приводит к изменению ответной реплики. Теперь это может быть не только ответ на вопрос, но и ответное приветствие: «Взошел в хату, Богу помолился, хозяевам поклонился: “**Здорово живете**, хозяин с хозяйшкой!” — “**Добро жаловать, господин!**”»⁶².

⁵⁴ Исторические песни XVIII века. № 235.

⁵⁵ Там же. № 373.

⁵⁶ «Опера об Александре Македонском». Интерлюдий // Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.): Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 545.

⁵⁷ Житие протопопа Аввакума // ПЛДР: XVII в. М., 1989. Кн. 2. С. 376.

⁵⁸ Комедия на Рождество Христово // Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. М., 1949. Ч. 2. Вып. I. С. 61.

⁵⁹ Братья-богатыри // Северные предания. Беломорско-Онежский регион. Л., 1978. С. 64.

⁶⁰ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1984. Т. II. С. 210.

⁶¹ Там же. Т. I. С. 221.

⁶² Барин и мужик // Русская сказка. Избранные мастера / Ред. и ком. М. Азадовского. Л., 1930. Т. I. С. 171.

Энантисемичность этого оборота (смена расположения на неудовольствие) проявляется начиная с XIX в.: «Вот тебе и **здорово живешь!** < ... > Как! Неужели вы позабыли, что хотели быть моей женой?» (1833 г. Кони Ф. А. «Принц с хохлом, бельмом и горбом»).

«Девальвация» царской или барской милости такого рода, как приветственный вопрос, вызвала семантический сдвиг: *Здорово живешь* — просто так; ни с того ни с сего. У Даля: **Здорово живешь. Ни за что, ни про что**⁶³; **Здорово живешь** — *голову на плаху не кладут*⁶⁴.

Ситуационной разновидностью вопросительного приветствия является вопрос *Здорово пришел?*, обращенный к пришедшему, вернувшемуся из поездки, путешествия:

Приезжали они во красен Киев-град,
Встречали их князи да думны бояра,
Да встречал их Владимир стольнокиевский
Да со той же княгинюшкой Опраксией:
«Уж вы **здорово ездили** во чисто поле?»
Уж что вы там чули, что вы видели?»
«Уж мы **здорово** ведь **съездили** во чисто поле»⁶⁵.

На древность этого оборота указывает наличие в сербском языке аналогичной модели приветствия *Добро дошао!* семантики *Добро пожаловать (Добро дошли, милли гости!)*, где *дошао, дошли* — это формы причастия на -л глагола *доћи* прийти⁶⁶. См. также болгарский оборот *Добре дошли* аналогичной семантики⁶⁷.

Со временем специфичный характер приветственного вопроса перемещает его в позицию после приветствия-благопожелания:

Поклонились ему атаманы казачия:
«**Здравствуй**, Василей Буслаевич!
Здорово ли съездил в Ерусалим-град?»⁶⁸.

Изредка встречаем в фольклоре именную часть в форме ед. ч. мужского рода *Здоров (здрав) пришел*. Вероятно, это следствие смешения двух приветственных формул *Здоров (ли) (еси)* и *Здорово (ли) живешь*:

Обернулса Василий ярым гоголем,
Выплывал-то он на крутой берег,
Тут-то дружина его проздравила:
— **Здрав ты шел**, Василий, со синя моря,
И **здрав ты пришел** в Ерусалим город.
— Спасибо, дружина, хоть проздравили,
Едва я попал на крутой берег⁶⁹.

Для староукраинского и старобелорусского языков обороты типа *Здоров приехал* были обычными уже в XVI в.: «Найяснѣй(шій) милостивый король и на меня ласкавья паны братія! Выгъхавши зъ дому, Богу-мъ ся помолилъ, чтобы къ вамъ **здоровъ прїѣхаль** да вашу милость здоровыхъ огледалъ, и привиталь»⁷⁰.

⁶³ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. I. С. 117.

⁶⁴ Там же. Т. II. С. 97.

⁶⁵ Бой Добрыни с Дунаем // Былины / Сост. Ф. М. Селиванов. М., 1988. Т. I. С. 74.

⁶⁶ Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. Изд. 4-е, стереотип. М., 1976. С. 91, 712.

⁶⁷ Бернштейн С. Б. Болгарско-русский речник = Болгарско-русский словарь. Изд. 3-е, стереотип. М., 1986. С. 121.

⁶⁸ Василей Буслаев молиться ездил // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. С. 96.

⁶⁹ Про Василя Буслаевича // Новгородские былины. С. 135.

⁷⁰ 1589 г. Речь Ив. Мелешка, каштеляна Смоленского, на Варшавск. сейме // Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссией. 1599–1637 г. СПб., 1865. Т. II. С. 188.

Следующее «усовершенствование» вопросительного приветствия касается уточнения в нем времени суток (аналогично современным *Добрый день, Добрый вечер*), в результате чего утреннее приветствие получает вид *Здорово (ли) ночевал (почивал)*:

И на все четыре сторонки поклонился:

«Вы **здорова ли**, мои братцы, **спали-почевали?** (так! — Н. Г.)

Один-то я, добрай молодец, не здоров спал:

Будто я хожу, добрай молодец, по край синя моря,

Я правою ногою в море остутился...»⁷¹;

Я прибью-то, прибью твое личико к тесовой кровати,

Вечера-то я буду спать ложиться — с тобой прощуся,

Поутру-то я встану, добрый молодец, поздороваюсь:

«Ты **здорова ли**, моя любезная, **ночевала?**»

«Плохо-то мое здоровьице без милова!

Вечёр-то моя кровать проста простояла,

И соболиное одеяльце в ногах пролежало...»⁷².

В повести Толстого зафиксирован южнорусский тип приветствия, относящегося ко второй половине дня: — **Здорово дневали**, добрые люди! Гей! — обратился он (дядя Ерощка. — Н. Г.) к казакам тем же сильным и веселым голосом, без всякого усилия, но так же громко, как будто кричал кому-нибудь на другую сторону реки. — **Здорово**, дядя! **здорово!** — весело отозвались с разных сторон молодые голоса казаков (Толстой Л. Н. «Казачьи»).⁷³

С редуцией глагола *живешь* этикетная формула *Здорово живешь* приобретает вид *Здорово*. Ранние примеры такого употребления относятся к XVII — нач. XVIII в.: «Егда-ж приехал (Никон. — Н. Г.), с нами, яко лись: челомъ да **здорово**. Вѣдает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помѣшка какова не учинилась»⁷³; «Ты мнѣ не **здорово** а я тебѣ не челом»⁷⁴.

Первоначально это приветствие социально не маркировано и употребляется в качестве разговорного:

Гаер < ... > Еще **здорово**, мои други,

А мне пришли от блох великие недуги...⁷⁵;

Фамусов [Чацкому] **Здорово**, друг, **здорово**, брат, **здорово**.

Рассказывай... (Грибоедов А. С. «Горе от ума»);

Здорово, русский снег, **здорово!**

Спасибо, что ты здесь напал,

Как будто бы родное слово

Ты сердцу русскому сказал (Мятлев И. «Русский снег в Париже»).

В благодарственных свадебных песнях этот оборот организует величание, аналогично *Здравствуйте*: «Затем невеста здороваается с сеньями (конечно, стихами же):

⁷¹ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. С. 41.

⁷² Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина / Подгот. текстов, вступит. статья и ком. Э. И. Власовой. Л., 1983. Т. I. С. 187.

⁷³ Житие протопопа Аввакума. С. 359.

⁷⁴ Старинные сборники русских пословиц, поговорок загадок и проч. XVII—XIX столетий / Собр. и пригот. к печати П. Симони. СПб., 1899. I—II. № 143. Цит. по: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 364.

⁷⁵ Интермедии // Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.): Пьесы любительских театров. М., 1976. С. 694.

Вы **здорово**, новы сени перёныя,
Кругом светлыя окошка косесчатя,
Кругом беляя брусовыя лавочки...» (Максимов С. В. «Год на Севере»).

В XIX в. это приветствие получает широкое распространение, о чем свидетельствуют приведенные В. И. Далем стереотипы: «**Здорово**, сват — Прощай, брат!»⁷⁶; «Брат, **здорово**, брату челом; челом да об руку»⁷⁷; «**Здорово**, дед, на сто лет; Старый знакомый, снова **здорово!**»⁷⁸

Эта формула появляется в обращениях «бар» к «народу» (крестьянам, слугам), вообще вышестоящих к нижестоящим: — **Здорово, здорово**, няня, — говорил он, прижимая к сердцу добрую старуху, — что батюшка, где он? каков он? (Пушкин А. С. «Дубровский»); — **Здорово**, ребятки! — крикнул Егор Николаевич, поравнявшись с тарантасом. — Здравствуйте, батюшка Егор Николаевич! — отозвались Никитушка и Марина Абрамовна, устремляясь поцеловать барскую руку (Лесков Н. С. «Некуда»); — **Здорово**, братушки. Ради не ради, принимайте хозяина. — Караульщики, умиленно улыбаясь, низко, подобострастно раскланялись: — Милости просим, доброго здоровьица, Иван Василч. В аккурат к самоварчику (Бунин И. А. «В саду»).

В армейском обиходе России вплоть до октября 1917 г. *Здорово* — обычное приветствие командира, военачальника солдатам:

Князь недолго одевался < ... >,
Ворона коня седлал,
Ко сенату подъезжал:
«Да вы **здорово**, часовые,
Сенаторски сторожа...»⁷⁹;

— **Здорово**, ребята! — вскричал он (гарнизонный командир. — Н. Г.), подходя к фронту. — Здравия желаем! — крикнули солдатики (Вельтман А. Ф. «Неистовый Роланд»); — **Здорово**, шестая! — послышался густой, спокойный голос полковника. Солдаты громко и нестройно закричали с разных углов плаца: — Здравия желаем, ваш-о-о-о! Офицеры приложили руки к козырькам фуражек (Куприн А. И. «Поединок»).

Очевидно, именно по причине долгого существования в армейском этикете приветствие *Здорово!* остается характерным преимущественно для мужской речи⁸⁰, а его направленность сверху вниз по этикетной вертикали, зафиксированная в языковом сознании (точнее, подсознании), не позволяет включать его в зону вежливости из-за «оттенка грубоватости» в его семантике⁸¹.

Таким образом, оборот *Гой еси* закономерно включается в речевую этикетную систему восточнославянских приветственных стереотипов семантики *Здоров ли ты?*, *Здорово ли ты живешь (пришел, ночевал...)?*. Изменения в этих формулах сводятся к замене именной части (*гой* → *здоров*), утрате связки *еси*, утрате вопросительной семантики (*Здоров, Здорово*), адвербиализации (*Здорово*), появлению гендерных и стилистических ограничений в употреблении.

⁷⁶ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. I. С. 185.

⁷⁷ Там же. Т. II. С. 209.

⁷⁸ Там же. Т. II. С. 211–212.

⁷⁹ Исторические песни XIX века. № 226.

⁸⁰ Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978. С. 303.

⁸¹ Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. С. 219; Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998. С. 256.